

Рубцы на сердце и судьбе. История немецких переселенцев на примере одной семьи

Татьяна Абрамова

Очень часто Анна Филипповна задает себе один и тот же вопрос: «Как мы выжили, ведь уехали в одних платицах...»

Год Великой Победы стал хорошим поводом еще раз перелистать страницы истории нашей страны, остановиться на тех из них, что не совсем изучены и не известны широким слоям населения. Например, о судьбе советских немцев, депортированных в самом начале войны.

Для поколений этого работающего, ответственного и педантичного народа 28 августа 1941 года навсегда останется трагической датой в историческом календаре. В тот день был издан указ Президиума Верховного Совета СССР, обвиняющий поволжских немцев в том, что они скрывают у себя «десятки тысяч германских шпионов и диверсантов» и не доносят на них властям. Всех граждан предписывалось выселить в Сибирь и Казахстан, а их автономную республику ликвидировать. К концу первого года войны численность этих территорий приросла более чем на 800 тыс. человек.

Приехавшие в зиму с одними узелками (с собой им разрешалось взять только личные вещи и мелкий хозяйственный инвентарь), они влачили жалкое существование. Безвинные люди находились на грани отчаяния. В Москву направлялись депеши о том, что ситуация с немцами-переселенцами на местах достигла такой степени остроты и напряженности, стала столь взрывоопасной, что обычными арестами положение спасти было нельзя, требовались радикальные меры.

Под флаги трудовой армии

Такой мерой послужил призыв всего трудоспособного немецкого населения в трудовую армию. Мобилизация советских немцев на трудовой фронт решала две важнейшие проблемы: ликвидировала социальную напряженность в местах их скопления и пополняла контингент системы принудительного трудового использования. За колючей проволокой, под конвоем, в тяжелейших условиях советские немцы вместе со всем народом приближали общую победу над фашизмом. Правда, треть трудармейцев до нее не дожила.

Новоселы поневоле

В конце ноября 1941 года Новосибирская область приняла 120 тыс. человек из бывшей Поволжской республики. Местные власти получили директиву, которая запрещала причислять немцев к разряду эвакуированных, с вытекающей отсюда разницей в гражданских правах этих двух категорий сибиряков-новоселов.

В то время Александровский район еще не стал местом расселения немцев, так как перевозка на север была затруднена из-за нехватки транспорта. Но это было делом времени: география мест спецпоселений постоянно изменялась и расширялась. Когда в нее вошел и Александровский район, немцев стали направлять конкретно для работы на рыбных промыслах.

В конце 1942 года из 15 тыс. всех спецпереселенцев, размещенных в Нарымском округе, 1,5 тыс. человек оказались в Александровском районе. Большинство из них работали в рыбной промышленности: на консервном заводе, в рыболовецких артелях, их труд использовался на лесозаготовках, в колхозах.

В село Александровское вместе с другими такими же спецпереселенцами прибыла семья Гебель.

Сутки на сборы

11-летняя Аня никак не могла понять, почему ее такой большой, красивый папа после чтения газеты опустил на стул и из его глаз горошинами закапали слезы. Бригадир передовой полеводческой бригады одного из богатейших колхозов Саратовской области Филипп Гебель не мог взять в толк, как они вдруг стали врагами.

28 августа 1941 года жителей немецкого села Алтваренбург под Саратовом заставили согнать всю скотину на общий двор, а самих на телегах повезли к пристани. Сначала всех женщин и детей погрузили на баржу, потом пересадили в телячьи вагоны. 14 суток их везли в неизвестном направлении: днем стояли, прячась от бомбежек, ночью отправлялись в путь.

На станции Болотная Новосибирской области всех прибывших распределили по колхозам. Анна с беременной мамой, сестрой и двумя братьями работала в небольшом хозяйстве, где было всего семь домов. По-русски дети не говорили. Отец в это время находился в трудармии – на шахте в Тульской области.

В 1942 году немецкие войска вели активное наступление. Из-за боязни бунта в тылу страны советское правительство приняло решение о переселении немецких семей еще дальше на север. И снова пристань. Растерянных людей посадили на пароход «Карл Маркс» и повезли вниз по течению Оби. Так они оказались в селе Александровском. Пока приехавшие отмывались в бане, их одежду прожаривали во избежание сыпной эпидемии.

– Баржа, на которой жили переселенцы, была обледеневшей, люди каждый день умирали от холода и голода, – Анна Филипповна говорит о том горьком времени со слезами в голосе. – В конце ноября всем разрешили перебраться в село. Нас приютила добрейшей души тетя Лиза Асанова. И хотя у нее была своя орава ребятишек, с нами она делилась последним куском. Я до конца жизни буду помнить доброту этой необыкновенной женщины.

Анна Филипповна вспоминает, что ее мама, Амалия Филипповна, и старшая сестренка, Эмма, работали в колхозе. Помочь дочери, которая каждый день вручную доила не менее 30 коров, она не могла. На руках были свои животные.

В конце 1943 года к ним приехал отец. Все силы некогда здоровый, рослый Филипп Гебель оставил в тульском руднике.

– Смерть стояла у него в глазах, – вспоминает сегодня его взрослая дочь. – На каждой пристани папа просил милостыню. Когда он добрался до Александровского, мы его не узнали, так он опух от голода. Очень медленно, но он пошел на поправку. Его взяли в колхоз. Однажды во время посевной папа прилег на землю отдохнуть, простыл и заболел крупозным воспалением легких. Его не стало в 1947 году.

Три нормы в первый день

В 15 лет подросла пора идти на работу Анне. Мама твердила ей только одно: «Не ходи в колхоз, хватит одной Эмме надсажаться, ступай в рыбокомбинат». Она быстрее всех в семье научилась говорить по-русски.

– Как сейчас помню, пришла я в контору, сижу в коридоре, – рассказывает Анна Филипповна. – Тут выходит из кабинета красивая женщина и спрашивает меня: «А ты, деточка, что здесь делаешь?» Еле слышно отвечаю ей: «Я буду хорошо работать, только возьмите меня, пожалуйста!» Покачивая головой, она повела меня к начальнику жестянобаночного цеха.

Валентин Захарович Воронко привел маленькую девчущку к печке, выдал паяльник, кислоту и объяснил, как следует запаивать готовые банки. Напоследок сказал: «Если справишься, оставим». То ли от страха, то ли от огромной ответственности перед семьей, а скорее всего, от заложенного в генах огромного трудолюбия девочка-подросток умудрилась выдать за смену 2 800 штук, почти три нормы. Паяльщицей Анна отработала 9 лет, а потом ее перевели на расфасовку в консервный цех. Рыбы в те годы ловили много. Александровцы все пускали в дело: в годы войны изготавливали даже консервы из голов язя. Потом готовую продукцию подростки грузили на пароход, который доставлял ее на Большую землю с последующей пересылкой на фронт.

Уже после войны на предприятие поступила немецкая автоматическая линия. Анна помогала тогда заводским наладчикам переводить техническую документацию.

– Интересным был период работы под руководством Андрея Яковлевича Нестерова, золотой был человек, – с теплом отзывается о ветеране рыбной промышленности, передовом директоре Александровского рыбокомбината Анна Лебзак. – Он знал, что мы не покинем производство до тех пор, пока не уложим в баночку последнюю рыбку.

В этом коллективе она отработала два десятка лет.

После войны Анна встретила своего суженого, Юрия Лебзака. Его семью тоже сослали из Саратовской области. Как оказалось, они ехали в одном эшелоне, правда, в разных вагонах. Юрий Георгиевич 30 лет отработал плотником в Александровском райпо.

Три года назад его не стало. Очень часто Анна Филипповна задает себе один и тот же вопрос: «Как мы выжили, ведь уехали в одних платицах».

У супругов двое детей: сын Геннадий, кад-ровый офицер, год назад вышел в отставку, живет в Екатеринбурге. Дочь Наталья удостоена звания «Заслуженный учитель РФ», живет неподалеку от матери. У Анны Филипповны четверо внуков и двое правнуков.

Хозяйка дома продолжает самостоятельно вести домашнее хозяйство. Здесь все сияет чистотой и порядком, как было заведено у ее мамы там, в довоенном Алтваренбурге под Саратовом.

Благодарим администрацию Александровского района за помощь в подготовке материала.

География мест спецпоселений постоянно расширялась. Когда в нее вошел Александровский район, немцев стали направлять конкретно для работы на рыбных промыслах.